

Алексей Гапоненков*

«Что делать?» Николая Чернышевского как универсальный вопрос смысла жизни**

В XIX веке характерно особое соединение и столкновение в рамках одной судьбы двух традиций в истории русской мысли и литературы: социально-радикальной и религиозно-мистической. Н. Чернышевский – поначалу верующий христианин, сын священника, семинарист, как и многие радикалы, пришел к сомнению в своей религиозности, но без надрыва.

2 августа 1848 г. он записывал в *Дневнике*: «Кажется, я принадлежу к крайней партии, ультра; Луи Блан увлекает меня...»¹. Не бравада ли это совсем молодого человека? Читаем далее, 20 января 1850 г. – вполне осознанное стремление: «Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее, хоть я и знаю, что долго, может быть, весьма долго, из этого ничего не выйдет хорошего, что, может быть, надолго только увеличатся угнетения и т.д.»². Отдаленная перспектива революции увеличивает людские страдания «низших классов».

Преклоняясь перед идеалом христианской любви (см. дневниковую запись от 23 сентября 1848 г.), Чернышевский ясно осознает свое фейербахианство: «В религии я не знаю, что мне сказать – я не знаю, верю ли я в бытие бога, в бессмертие души и т.д. Теоретически я скорее склонен не верить, но практически у меня недостает твердости и решительности расстаться с прежними своими мыслями об этом, а если бы у меня была смелость, то в отрицании я был бы последователь Фейербаха» (20 января 1850 г.)³. В характере своем Чернышевский находит апатичность, нерешительность, робость и даже слабость.

По словам о. Г. Флоровского: «Это был кризис взглядов, даже не убеждений, и не верований. Не срыв... Такими серыми выглядят записи его дневников, где он говорит о своих религиозных колебаниях. Он и не верует, и не решается не ве-

* Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

** Отдельные тезисы статьи были ранее опубликованы в *Тетрадах по консерватизму: альманах* (2017. № 4).

¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 15 тт. М., 1939. Т. 1. С. 66.

² Там же. С. 356-357.

³ Там же. С. 358.

речь. Промежуточной ступенью... у Чернышевского был религиозно-сентиментальный гуманизм...»⁴.

Немецкий философ-идеалист и атеист Людвиг Фейербах основал антропологический подход к изучению религии. Фейербахианство означает «превращение и перерождение теологии в антропологию» (Л. Фейербах), то есть в ни что иное как «религию человекобожия» (С. Булгаков)⁵. Чернышевский под влиянием Фейербаха был в России «проводником» атеистического гуманизма. Причем революционизм русского социального мыслителя носил больше сентиментально-гуманистический характер. Собственно профессиональным революционером он не был и не мог быть по складу своего характера.

Чернышевский не ограничивал стремлений человеческой природы к удовлетворению своих потребностей (идея личного преуспевания, счастья), к удовольствиям вследствие недостаточности. В этом смысле он последователь воззрений британских философов Иеремии Бентама и Джона Стюарта Милля. Чернышевский провозгласил заимствованный из европейской философии этический принцип «разумного эгоизма». Он борец с аристократией, высказывался и против буржуазной и либеральной морали. Протоиерей Георгий Флоровский подметил об эпохе 1860-х годов: «"Метафизика" казалась слишком холодной и черствой, на ее место ставили "этику" или мораль, – подменяли вопрос о том, *что есть*, вопросом о том, *чему быть должно*. В этом уже был некий утопический привкус...»⁶. Богословские догматы и христианские истины переводили на язык этики. А ее приспособляли к утилитарным задачам. Этим занимался и Чернышевский в романе *Что делать?*.

Когда он задумал этот роман, то его более всего волновали две темы. Человек является достойным в том случае, если он следует своим убеждениям в жизни. И как радикально изменить тяжелую, как ему казалось, участь женщины в обществе. Для этого надо было поменять устоявшиеся общественные правила, разъяснить людям, как им следовало жить, в беллетристической форме утвердить новые моральные принципы. В это время в Россию проникли сочинения Сен-Симона, Фурье, Роберта Оуэна, Консидерана, романы Жорж Санд. Они возбуждали общественный энтузиазм. А.П. Скафтымов, которому принадлежит превосходный анализ романа *Что делать?* в статье 1926 г., писал: «Человек исключительного великодушия, всегда полный грез о радости всеобщего счастья, Чернышевский с особенной остротой воспринимал тяжесть застеночной женской замкнутости. В этом отношении в роман вложено очень много личного, автобио-

⁴ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1937; репринт: Вильнюс, 1991. С. 293.

⁵ См.: Булгаков С.Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Вопросы жизни. 1905. №№ 10-11. С. 326-379; № 12. С. 74-102.

⁶ Флоровский. Пути русского богословия. С. 292.

графического»⁷. Недаром он посвящен жене О.С. Чернышевской, которая являла собой совершенно противоположный образец яркого женского характера, вдохновлявшего Николая Гавриловича, жизнерадостного, раскованного, самостоятельного, свободного от всяких «замкнутостей». Их взаимоотношения дали материал для раздумий Чернышевского о свободном и искреннем, правдивом понимании любви между мужчиной и женщиной.

Роман при всей тенденциозности не стал голой теорией, так как был порожден живыми наблюдениями над молодым поколением, ищущим свою дорогу в жизни. Н.Н. Страхов не без доли иронии выразил учительный смысл произведения: «Роман учит, как быть счастливым»⁸. Однако А. Фет ернически заметил: «Как: что делать? Переходить с пастбища на пастбище и жить чем бог послал»⁹.

На первый план для автора вышел *принцип пользы* (сформулированный И. Бентамом), полезности, готовых моральных истин. Молодежь с невероятным энтузиазмом откликнулась на практические призывы Чернышевского. Цензор О.А. Пржецлавский предупреждал: «апология образа мыслей и действий той категории современного молодого поколения, которую разумеют под названием "нигилистов и материалистов", и которые сами себя называют новыми людьми», «проповедует чистый разврат, коммунизм женщин и мужчин», «извращение идеи супружества разрушает и идею семьи, основы государственности, что то и другое прямо против коренных начал религии, нравственности и порядка»¹⁰. Роман тем не менее вышел, по нему сверяли жизнь в 60-е, 70-е, 80-е годы, свое мировоззрение, журнальную публикацию *Что делать?* в *Современнике* (1863. №№ 3-5) переписывали от руки, каждый гимназист и студент знал содержание этой книги. Роман будет переиздан в России отдельным изданием только в 1905 году!

«Новые люди» (Лопухов, Кирсанов, Рахметов, Вера Павловна, Катя Полозова) – это люди «безукоризненной честности», обладающие личным достоинством, труженики, «натуры» активные, свободные, сильные, умные, которые стремятся к личному счастью и общественному благу, берутся за настоящее дело, оптимистичны и устремлены в будущее. Они придерживаются понятий *должного* и *разумного* и вместе с тем не лишены слабостей, наслаждаются чувством, веселятся. Только Рахметов выходит за рамки «обыкновенных людей», изображен в романе как носитель предельных качеств: аскетизма, твердости воли, прямолинейности, богатырской силы, правды, пользы не для себя, а для человека вообще. Хотя и у него есть «гнусная слабость» – сигары. В.К. Кантор справедливо пересматривает сложившийся общественно-революционный взгляд на «новых людей» Черны-

⁷ Скафтымов А.П. Роман «Что делать?» (его идеологический состав и общественное воздействие) // Н.Г. Чернышевский: неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926. С. 111.

⁸ Страхов Н.Н. Счастливые люди // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. СПб., 2008. С. 561.

⁹ Фет А. «Что делать?» Из рассказов о новых людях. Роман Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. С. 477.

¹⁰ Цит. по: Скафтымов. Роман «Что делать?» ... С. 96-97.

шевского: «новые люди как подвижники», которые приняли основные принципы христианства¹¹. Биография Чернышевского, особенно его пребывание в Сибири, Вилуйске, являет собой христианский аскетизм в жизненных проявлениях и необыкновенную стойкость.

Необходимо признать тот факт, что элементы христианского мирозерцания плотно вплетены в утопические теории Чернышевского, а иногда и прямо соотносятся с Евангелием. Священное Писание мыслитель, конечно, знал почти дословно при той силе памяти и владения языками, что у него были. Надо добавить, что и Л. Фейербах не отказался от использования образа Христа как символа братской любви (но без распятия и воскресения).

Какова философия «новых людей», их этический, социальный и психологический облик? Какие средства они предлагают для построения лучшей жизни? На первое место здесь следует поставить «рассудительность» (у Бентама – «трезвый рассудок»). Способность понять истинную выгоду своих действий, того, что ведет к счастью. Принцип «рассудительности», по Чернышевскому, разделяет человек просвещенный, разбирающийся во лжи и ошибках, обладающий «здоровым смыслом», умеющий отказаться от неблагоприятных поступков, ложных влечений. Сама рассудительность неотделима от нравственной оценки. «Расчет выгоды» далек от меркантильного понимания.

«Новые люди» Чернышевского благородны и по своим мыслям, и по поступкам. Но это их благородство не противоречит внутреннему расчету, здравому смыслу. Лопухов говорит про себя: «самому жить хочется, любить хочется, – понимаешь? – самому, для себя все делаю»¹². Именно рассудительность позволяет им гуманно относиться к ближнему, быть добрыми и порядочными. А.М. Бухарев (архимандрит Феодор) настаивал на свободной воле «новых людей» идти на «самопожертвование за грешного человека»: «...начало эгоизма и расчета у благородного человека обращается в начало нравственной добропорядочности, готовой на самопожертвование»¹³. Нам представляется, Чернышевский не выходит за рамки принципа гуманизма, так как самому человеку предстоит найти спасение, это во власти его рассудка и эгоизма. «Всякий человек эгоист, я тоже; теперь спрашивается: что для меня выгоднее, удалиться или оставаться?»¹⁴, – рассуждает Кирсанов.

Свободная воля – это не самочинный произвол. А.М. Бухарев приводит слова апостола Павла: «Сам не понимаю, что делаю; потому что *не то делаю*, что хочу, а делаю, что ненавижу... Уже не я то делаю, а живущий во мне грех... Несчастный я человек!». И тут же их комментирует: «Да; спасение твое уже не в соб-

¹¹ См.: Кантор В. «Срубленное древо жизни»: судьба Николая Чернышевского. М., СПб., 2016. С. 341-346.

¹² Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1980. С. 145.

¹³ Бухарев А.М. О романе г. Чернышевского «Что делать?», из рассказов о новых людях // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. С. 581.

¹⁴ Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1980. С. 236.

ственной твоей воле, не в делах твоих, а в благодати Божией, которая переделала бы совсем твое внутреннее состояние, которую тебе и надо повернее узнать и серьезно принять и твердо, деятельно держать»¹⁵. Текст романа не подтверждает многие пожелания критика, именно поэтому в его статье есть оговорка о «лучшем» в *Что делать?* – это «намек, предощущения истины, инстинктивное увлечение в пользу истины в ущерб собственной теории романиста»¹⁶. Так, намек на «тайну благодати» А.М. Бухарев видит в сновидении Веры Павловны.

Почему же так страдает общество, пребывая в темноте пороков, невежества, материальной обездоленности, вопиющей косности нравов? В образах Марьи Алексевны Розальской, ее мужа Михаила Ивановича Сторешникова, его матери, Соловцова, Жана – жениха Кати Полозовой, Полозова-отца, Сержа и даже «Проницательного читателя» (резонирующее лицо), отживающих и мертвящих людей из второго сна Веры Павловны автор вскрывает алчность и властолюбие, бесчестность, насилие, ростовщичество, угрозы, домогательства. Мать говорит Вере Павловне: «Значит, нового-то порядку нет, по старому и живи: обирай да обманывай...»¹⁷.

Чернышевский вводит аллегорию «грязи» для обозначения гнилого и отживающего общества. «Чистая», «реальная грязь» прежних людей, способных к изменениям (Марья Алексевна, старик Полозов, послушавший Кирсанова), еще со здоровыми элементами органики. «Грязь гнилая» – «фантастическая», мертвая почва (Сторешников, Серж). Алексей Петрович Мерцалов обращается к Сержу: «Не исповедуйтесь, Серж... мы знаем вашу историю; заботы об излишнем, мысли о ненужном, – вот почва, на которой вы выросли; это почва фантастическая. Потому посмотрите вы на себя: вы от природы человек и не глупый, и очень хороший, быть может, не хуже и не глупее нас, а к чему же вы пригодны, на что вы полезны?»¹⁸.

Фантастическая почва не дает уяснить самостоятельно свое предназначение. У Сержа оно сводится к тому, чтобы поощрять кутежи Жюли. Вера Павловна с раздражением бросает: «Ах, как вы надоели с вашей реальностью и фантастичностью!»¹⁹. В романе проведена мысль о зависимости человека от неблагоприятной среды, почвы. И в то же время Чернышевский дает уроки освобождения от этой порочной зависимости (Вера Павловна, Катя Полозова). «Порядочной девушке гораздо лучше умереть, чем сделаться женою такого человека. Он загрязнит, заморозит, изъест своею мерзостью порядочную женщину: гораздо лучше умереть ей»²⁰ – это о Кате Полозовой и о хищном домогателе Жане. Ф.М. Достоевский в *Преступлении и наказании* на уровне социального анализа согласился с

¹⁵ Бухарев. О романе г. Чернышевского «Что делать?» С. 585.

¹⁶ Там же. С. 613.

¹⁷ Чернышевский Н.Г. *Что делать?* М., 1980. С. 48.

¹⁸ Там же. С. 180-181.

¹⁹ Там же. С. 181.

²⁰ Там же. С. 414.

Чернышевским в критике удушающего влияния среды на внутренний мир молодого человека, девушки.

Лебезятников в разговоре с П.П. Лужиным поднимает тему «законного» и «гражданского брака», возможности ставить «рога» супругу: «И если я когда-нибудь, – предположив нелепость, – буду в законном браке, то я даже рад буду вашим растреклятым рогам; я тогда скажу жене моей: "Друг мой, до сих пор я только любил тебя, теперь же я тебя уважаю, потому что ты сумела протестовать!"»²¹. Здесь видят «пародию на объяснение Лопухова с Верой Павловной» («Разве ты обманешь меня? разве ты перестанешь уважать меня?»²²) после того, как она полюбила Кирсанова²³. По А.М. Бухареву, брачный союз либо «подзаконный», либо «благодатный, Христов»²⁴. Н.А. Бердяев напоминает, что русскому сознанию ближе второй – в соответствии со свободой воли, искренности чувства, что и отражено в романе *Что делать?*²⁵.

Несмотря на различную природу таланта Чернышевского и Достоевского, много раз отмеченную «полярность», именно бескомпромиссность социального анализа объединяет *Что делать?* и *Преступление и наказание*, при разности понимания фантастичности, призрачности и самой реальности. У Достоевского фантастика амбивалентна, имеет и многозначную коннотацию, символикоромантическую. Фантастические картины Чернышевского утопичны, сны аллегоричны («новая Россия» из четвертого сна Веры Павловны, «хрустальный дворец»). Надо отметить, что полемика Достоевского с Чернышевским обстоятельно рассмотрена была в комментариях из академического собрания сочинений Достоевского, в трудах В.А. Туниманова, М.В. Теплинского, И.Г. Ямпольского, М.Т. Пинаева и многих других исследователей. Чернышевский, его персонажи, реплики, реминисценции, аллюзии из романа *Что делать?* появляются на страницах таких произведений Достоевского, как *Записки из подполья* (1864), *Крокодил* (1865), *Преступление и наказание* (1866), *Идиот* (1868), *Бесы* (1872).

Чернышевский призывает к *разумному знанию*, т.е. научному, которое невозможно обрести без свободы личности, логики мысли, отказа от бессмысленных претензий, грубого вмешательства и произвола. Это и свобода в семейных отношениях, воспитании и браке, и в общественных отношениях. Для Чернышевского также важно утвердить *радость труда*, новые его формы, в основе своей артельные, кооперативные. Автор *Что делать?* выступает как настоящий экономист, видящий глубокую подоплеку хозяйственной жизни в семье, обществе, государстве, на предприятии – кооперативной мастерской. Чернышевский был

²¹ Достоевский Ф.М. Собр. соч. В 30 тт. М., 1973. Т. 6. С. 289.

²² Чернышевский. *Что делать?* С. 272.

²³ Ямпольский И.Г. Материалы для истории восприятия творчества Чернышевского // Н.Г. Чернышевский: статьи, исследования и материалы. Вып. 11. Саратов, 1989. С. 145.

²⁴ Бухарев. О романе г. Чернышевского «Что делать?» ... С. 591.

²⁵ См.: Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 139-140.

переводчиком книги Дж. С. Милля *Принципы политической экономии* (первый том опубликован в журнале *Современник* за 1860 г. с комментариями).

Средства к достижению лучшей жизни Чернышевским обозначены в *Что делать?* и завоевали сердца. Многие поколения читателей нашли себе «дело», которому служили беззаветно и с разумной выгодой.

Спустя годы в главе «Что делать?» из книги *Смысл жизни* (1926) С.Л. Франк глубоко сомневается, как можно отвечать на вопрос «когда-то прогремевшего романа Чернышевского», предлагая общее *дело*, которым осмысляется жизнь и спасается мир; рекомендовать средства, опуская цель. Русская интеллигенция заменила вопрос о смысле жизни вопросом «Что делать?». Не самонадеянность ли это человеческого разума, «ересь утопизма»? Но «единственная религиозно оправданная и неиллюзорная постановка вопроса "что делать?" сводится не к вопросу о том, как мне спасти мир, а к вопросу, как мне приобщиться к началу, в котором – залог спасения жизни. Заслуживает внимания, что в Евангелии не ставится вопрос "что делать" именно в этом последнем смысле. И ответы, на него даваемые, постоянно подчеркивают, что "дело", которое здесь может привести к цели, не имеет ничего общего с какой-либо "деятельностью", с какими-либо внешними человеческими делами, а сводится всецело к "делу" внутреннего перерождения человека через самоотречение, покаяние и веру»²⁶. Вот это «приобщение» к чему-то намного большему, чем самочинный человек, противоречит гуманизму и антропологическому принципу. Гуманизм не может быть безрелигиозным, не освященным высшей инстанцией – Божеством. Франк не раз говорил, что через головы своих отцов «шестидесятников» он протягивает руку дедам – «людям сороковых годов» с их углубленным духовным деланием.

Столкновение и взаимосвязь этих двух поколений глубоко философски и художественно постиг Достоевский в *Бесах*. Он имел в виду либералов 1840-х годов, которые идейно проторили дорогу «шестидесятикам». Обратим внимание на эпизод встречи «старика» Степана Трофимовича Верховенского и его сына Петруши. Там прямо называется хроникером роман Чернышевского: «Это был роман "Что делать?" (...) Я догадался, что он достал и *изучает* роман единственно с тою целью, чтобы в случае несомненного столкновения с "визжавшими" знать заранее их приемы и аргументы по самому их "катехизису" и, таким образом приготовившись, торжественно их всех опровергнуть в *ее* глазах (в глазах Варвары Петровны Ставрогиной. – А.Г.). О, как мучила его эта книга! Он бросал ее иногда в отчаянии и, вскочив с места, шагал по комнате почти в иступлении. "Я согласен, что основная идея автора верна, – говорил он мне в лихорадке, – но ведь тем ужаснее! Та же наша идея, именно наша; мы, мы первые насадили ее, возрастили, приготовили, – да и что бы они могли сказать сами нового, после нас! Но, боже, как все это выражено, искажено, исковеркано! – восклицал он, стуча пальцами по книге. – К таким ли выводам мы устремлялись? Кто может

²⁶ Франк С.Л. *Смысл жизни*. Брюссель, 1976. С. 40.

узнать тут первоначальную мысль?"»²⁷. «Люди сороковых годов» пытались найти в романе *Что делать?* ответы на универсальный вопрос *смысла жизни*, а Чернышевский предлагал внешнюю деятельность на новых принципах «рассудительности», свободы и «выгоды», труда, любви без какого-либо притязания и ревности.

А.П. Скафтымов говорил, что роман «одновременно и утопичен, и реалистичен»²⁸, дает «переломный сдвиг», «изображение» действительности. Какие цели выдвигает Чернышевский перед молодым поколением, ищущим смысл своей жизни? Они, безусловно, есть. Это «замена привычных форм жизни» на новые, «взаимная эмансипация»²⁹. Приоритет естественнонаучного, позитивного знания. Становление нового типа интеллигента-разночинца (читателю им стать и предстояло). Новые социальные идеалы, экономические объединения людей. Все эти цели укладываются в нормы человеческой морали, «разумного эгоизма», научного знания, пути к счастью на этой земле. Но с точки зрения *смысла жизни* в понимании русской религиозной философии – это лишь средства к достижению подлинной цели приобщения к устойчивому, твердому началу Божеского дела.

²⁷ Достоевский Ф.М. Собр. соч. В 30 т. Л., 1976. Т. 10. С. 238.

²⁸ Скафтымов. Роман «Что делать?» С. 99.

²⁹ Там же. С. 100, 104.